Чухрай Григорий

30.05.2001.

В прекрасном и яростном прошлом

Григорий Чухрай. "Моя война". Издательство "Алгоритм", М., 2001.

Г.Чухрай – десантник

23 мая выдающемуся кинорежиссеру Григорию Чухраю, режиссеру фильмов "Сорок первый", "Баллада о солдате", "Чистое небо", "Жизнь прекрасна", исполнилось 80 лет. К этому событию издательство "Алгоритм" выпустило его книгу.

Читая книгу прославленного режиссера, вспоминаешь слова, сказанные два столетия назад Т.Джефферсоном: "Кусочек подлинной истории – это такая редкая вещь, что им надо очень дорожить". Книга классика советского кинематографа, впервые обратившегося к мемуарной прозе, и есть подлинная история человека, прошедшего вместе с родной страной все испытания войны и мира.

При всей естественности, ненарочитости повествования в каждой странице "Моей войны" – строгий лаконизм свободного авторского изъяснения. Не мешают повторы – они лишь ярче обозначают неоспоримые ценности, которыми дорожил и дорожит автор.

"Моя война" по настроению, по стремлению во чтобы то ни стало писать правду, пренебрегая канонами романтической героики, примыкает к "лейтенантской прозе". О ней мечтали в 1945 году вышедшие из окопов молодые люди, родившиеся в 1920 – 1925 годах и навсегда расставшиеся с погибшими на фронте боевыми друзьями. Судьба позволила им выжить, а собственная совесть навечно оставила в строю фронтового братства. Кстати, в "Моей войне" такого рода фанфарных эпитетов автор избегает. Но именно ответственность перед погибшими товарищами помогает Григорию Чухраю высказывать истины, в которые веришь, с которыми соглашаешься. Высокое слово "долг" здесь как нельзя более подходит. Сквозь зримые картины прошлого, сквозь ярко переданную пестроту событий, сквозь справедливые инвективы настоящему проступает строго и недвусмысленно очерченный свод нравственных правил.

Человек, написавший эту книгу, вовсе не претендует на белые одежды праведника, отринувшего все грехи и соблазны мира. Но если и было нечто, в чем может упрекнуть себя автор "Моей войны", то сам он – свой первый обвинитель, и все это относится больше к поре юности. Надев солдатскую шинель, Григорий Чухрай далее "не отступился от лица".

Поэтому, когда, не страшась обвинений в заскорузлости мышления, в старозаветном непонимании "демократических" перемен, он честно отзывается о современном состоянии Родины, хорошо понимаешь, как он прав: поверхностная и наивно-бунтарская поспешность, с которой представители власти отказывались от всего-всего в "прекрасном и яростном прошлом", разрушительность в горечи разразившихся последствий. И как не сожалеть, что все эти точные, как снайперский выстрел, слова в адрес отечественного неблагополучия с опозданием вступают в права действующей и принятой на вооружение истины. Но не о возвращении в прошлое говорит автор – его самого многое не устраивает в нем, а о невозможности и противоестественности разделять при трагических обстоятельствах индивидуальную судьбу и судьбу Родины.

Уважение к классическому духовному наследию – "... я всю ночь читал и дочитал роман ("Преступление и наказание") до конца, а потом вернулся к началу. С тех пор я полюбил Достоевского. Люблю его и сейчас..." – вера в Россию, вера в современников – вот в чем и сила, и обаяние "Моей войны".

Поначалу иногда хочется даже упрекнуть автора в неразвернутости текста, в частом отсутствии деталей и психологии, тем более что в русской и советской литературе достаточно мастеров – бытописателей и баталистов. Но Григорий Чухрай пишет о своем желании избегать подробностей описания боев по причине их противоестественной сущности для человека вообще. И вскоре это повествование, свободное от неуместной детализации, краткое и энергичное, как военно-полевое донесение, заставляет об упреках такого рода позабыть. Немало страниц "Моей войны" воспринимаются как фрагменты большого романного пространства, как драгоценные вкрапления в свежую мемуарную прозу художника, сменившего кинокамеру на перо.

Напоследок – о сквозной теме "Моей войны". Эта тема – любовь, отношение к женщине. Сколько благородства, сколько чистоты в рассказе о том, как Григорий Чухрай соединил свою судьбу с избранницей сердца. И как замечательно тепло написано о матери автора.

Коснувшись весьма и весьма непростого, автор (вспомним, что он плоть от плоти человек артистического мира) вновь правдив и, скажем прямо, целомудрен: "Я не хотел бы предстать перед читателем этаким чистюлей, которого не волнует женская красота. Это была бы ложь... Были соблазны и предать свою первую любовь".

Вместе с автором "Моей войны" мы проходим тяжелыми, нередко опасными, требующими отваги и мужества дорогами. Читатель постигает смысл честно прожитой жизни, и ему остается держаться направления, которое определяют самые надежные путеводные звезды – правда и совесть.

Константин КЕШИН

Культура – 2001 – 24–30 мая – с. 7

24